

© шипенко

Волшебная Лампа Бин Ладена

Берлин, 2002

ИЗ ИНТЕРВЬЮ,

данного Учителем 7 октября 1998 года в Кабуле в 22.30 по местному времени

У ч и т е л ь. Ехал сегодня в автобусе... Тёплый день, переходящий в тёплый вечер, сумерки, электрический свет... И вновь я испытал *это* чувство...

Пауза.

Я чуть не разрыдался - глаза потекли, подбородок задрожал, и... - тут ещё муэдзин заорал вечерний созыв - и огромная, ничем не объяснимая и такая *безконтрольная тоска* овладела мною, что...

Пауза.

Я тебе сейчас скажу, *что* это...

Пауза.

Это не тоска в обычном её понимании, нет, это *Знание о Смерти* и *Знание о Тщете*, это как ночное удушье, когда ребёнком сновидишь гадкое тесто бытия...

А л - М у ч а с с и н. *Гадкое Тесто Бытия?*

У ч и т е л ь. Хорошо, что ты это выделяешь... Да, когда спишь и не можешь уснуть, но всё-таки спишь - тебе знакомо это состояние? Ты видишь в эти мгновения какие-то сплошные массы, объёмы... Сартр это довольно похоже описывал...

А л - М у ч а с с и н. В "Тошноте"?

У ч и т е л ь. Да, кажется, там... Одутловатые куски, как подходящее тесто... Они приближаются к тебе, сдавливают, не дают дышать, ещё секунда - и ты умрёшь... (Пауза.) И ты умираешь. (Смотрит в меня ласково, как в усыпленного терьера.) Я полагаю, что в этот момент ты и в самом деле умираешь. Длится это четверть минуты и всю ночь, а утром ты просыпаешься мёртвым... Мёртвым для мира... Понимаешь, о чём я?

Я киваю.

Это и есть ислам. *Быть мёртвым для мира*. Буквально мёртвым.

У монитора человек в чёрных брюках и розовой рубашке со спущенными рукавами.

ЛИСБОА

11 сентября 2024 года, поздний вечер

Открытое кафе на набережной недалеко от *Прача до Цомёрцио* и водного вокзала. Разноцветные воздушные шары, привязанные к перилам, лампочки гирляндой, столики. Смуглый пожилой Мужчина, ничем от двух других посетителей особенно не отличающийся: светлый летний

пиджак, мягкая рубашка, белые, не очень свежие брюки, жёлтой кожи туфли, очки; в руках газета *А Бола*. Читает неторопливо, по-старчески шевеля губами. Несколько пустых и ополовиненных чашек из-под кофе, из которых он попеременно отхлёбывает, в пальцах - бесконечно дымящаяся *Цочиб*.

О ф и ц и а н т (приближаясь убрать посуду). Можно?

М у ж ч и н а (не отрываясь от чтения). Нельзя.

О ф и ц и а н т. Мы закрываемся.

М у ж ч и н а (поднимая голову). Жуао?

Ж у а о. Да?

М у ж ч и н а. Сядь.

Официант присаживается на соседний стул.

(Похлопывая по газете; вяло.) Что пишут! Что пишут!

Ж у а о. А что пишут?

М у ж ч и н а. Что-то. (Кофе. Глоток. Затыжка.)

Ж у а о (заглядывает в передовицу, бормочет заголовок). "23 года назад..." Ах, это! (Меняя тему.) Как Ваше сердце, сеньор профессор?

М у ж ч и н а. Ничего. (Затыжка.) Молчит.

Ж у а о. Супруга?

М у ж ч и н а. Тоже.

Ж у а о. Отрадно слышать.

М у ж ч и н а (с полуслова, заканчивая цитату). "... ибо молчание - язык будущего века". (Затыжка.) Ты веришь в будущий век, Жуао?

Ж у а о. Не-а.

О к л и к (прозрачный, никакой). Жуао!

Жуао вздрагивает, поворачивает голову в сторону кухни.

Ж у а о. Сейчас! Иду! (Мужчине.) Простите, сеньор *Цамёс*... (Встаёт, растворяется в темноте вечера.)

Ц а м ё е с (бормочет). Никакой я не *Цамёс*, перестань... (Погружается в ласковую протрацию, смотрит перед собой, а разговаривает со всем миром.) Просто нужно время от времени менять имена... Не следует держаться за метрическое свидетельство руками, ногами и прочими членами те...

Ж у а о (возвращаясь). Что-нибудь ещё, сеньор профессор?

Ц а м ё е с. Покоя.

Ж у а о. Сейчас, сейчас... Уже закрываемся... (Собирает посуду.)

Ц а м ё е с. Ты меня не так понял. Ещё есть время.

Жуао не реагирует и слов *Цамёс*'а не слышит. Гремит посудой. Уносит. Возвращается, забирает ещё несколько чашек, пепельницу, уходит.

(Вдогонку.) У вас тут сигареты есть? *Цочиб*'а? - другие не курю... (Сдавливает пустую пачку, швыряет на стол, ищет где погасить окурок, не находит и, обжигая пальцы, роняет его под ноги.) Жуао, воды! (Дует на пальцы.)

Ж у а о (на полкорпуса высовываясь из темноты). *Волвиц* или *Серра де Алвелос*?

Ц а м ё е с. *Серра де Алвелос*! (Передумывает; себе.) Нет, она с пузырями... (Жуао.) Неси *Волвиц*! И похолоднее!

Жуао появляется с маленькой бутылкой *Волвиц*'а, наливает. *Цамёс* суёт в стакан обожжённые пальцы. На лице его, однако, не отражается ни страдания, ни комментария.

Ж у а о. Повар уже ушёл... (Вопросительно кривит физиономию). А... это? (Кивает на пальцы)

в стакане *Цамёес'а*.)

Ц а м ё е с. Так пили воду в Королевстве *Ал Мамлака Ал Урдуниййа Ал Часцчимиййа*, то есть, в нынешней Иордании. Халифы. Давно, в X-XI-ом... Кислоты, скапливающиеся за день на пальцах человека, меняют основные минеральные составляющие нефilterованной колодезной воды, нейтрализует щелочную среду и вредные...

Ж у а о (восхищённо перебивает). Всё-то Вы знаете!

Ц а м ё е с. Я не всегда был таким.

Ж у а о. Вот об этом-то я как раз и хотел поговорить...

Ц а м ё е с. Нет!

Тишина. Жуао чувствует, что сказал что-то не то, но не понимает, что именно.

Ж у а о (осторожно). Вы много учились и... (Быстро.) Я имею в виду образование - у меня сын в этом году заканчивает - надо поступать - он хочет в университет - я подумал, кто же поможет, если не сеньор профессор - Вы понимаете? - *арабская литература* - мой сын без ума от арабской литературы...

Ц а м ё е с (перебивая). Я понял, Жуао. Без ума. (Вынимает пальцы из стакана, смотрит на официанта так пристально, что тот не выдерживает и отводит глаза в сторону.) Поступит твой сын.

Ж у а о (расплываясь от неожиданно скорого обещания). Правда?

Ц а м ё е с. Что есть правда, Жуао? (Тычет мокрыми пальцами в передовицу.) Разве эти помои правда?

Ж у а о. Не знаю, сеньор *Цамёес*... Я верю тому, что пишут в газетах...

Ц а м ё е с. И правильно делаешь. (Смотрит на Жуао столь бесстрастно, что у того пересыхает в горле, и он залпом выпивает стакан *Волвиц'а*, из которого пару секунд назад были вынуты профессорские средний и указательный. *Цамёес* улыбается, встаёт.) Пора, халиф... (Бросает взгляд на лежащую на столе газету, шагает к выходу, останавливается.) Двадцать три года назад я сидел в пятом самолёте и... (Говорить или нет. Садится.) Он должен был влететь в кабинет Джорджа Дабл Ю... Сигарет у вас тут нет? (Встаёт, ощупывает карманы, делает шаг к выходу.) Пойду куплю... (Вполоборота.) Но не влетел... Где сейчас *Почибу* найти можно?

Ж у а о (машинально). У Фернандо, на *руа Цас Сантарем*...

Ц а м ё е с (ещё шаг). Бостон - Сан-Франциско... Нас было трое... Я пошёл... (Разворачивается и застывает.) Мы передумали... (Счастливо, как debil, улыбается.) Это так здорово - приземлиться во Фриско, взять билет на Лиссабон, и провести в этом раю двадцать три года клинического счастья... (Глаза *Цамёес'а* наполняются слезами.) Понимаешь, Жуао?

Ж у а о. Понимаю, да-да, конечно, я... Я люблю Лисбоа... Он такой... (Вдыхает полной грудью и не знает, что ему с таким объёмом воздуха делать.)

Ц а м ё е с. Я пошёл. (Останавливается.) *Руа Цас Сантарем*, ты сказал?

Ж у а о. *Цас Сантарем*... (Кивает.) *Цас Сантарем*...

Ц а м ё е с. Фернандо?

Ж у а о. Угу... Фернандо, трёхпалый... (Выдыхает, закрывает лицо руками.)

Ц а м ё е с. Точно у него есть *Почиба*?

Ж у а о (раскачиваясь). Да-да, точно, я помню, я покупал, для клиентов...

Ц а м ё е с. Благодарю. (Разворачивается.) Я сейчас вернусь...

Ж у а о. Стойте!

Ц а м ё е с (останавливается). Я сейчас вернусь...

Ж у а о (кричит). Никуда не ходите, сеньор профессор! Никуда! Здесь оставайтесь!

Двое других посетителей привстают с мест, напрягаются. Один из них опускает руку во внутренний карман пиджака.

(Истерика.) Не стреляйте в него! Не стреляйте! Прошу вас, не стреляйте! Дон'т scoot!

Посетитель, однако, движение завершает, выхватывает из кармана кошелёк, извлекает несколь-

ко купюр, бросает на стол.

П о с е т и т е л ь (своему спутнику). Идём отсюда!

Поспешно уходят. Жуао вертит головой из стороны в сторону, успокаивается.

Ц а м ё е с. Всё в порядке, Жуао?

Ж у а о (устало). Да-да, сеньор *Цамёес*, прошу прощения...

Ц а м ё е с (внимательно наблюдая за официантом). Так мне можно сходить за сигаретами?

Ж у а о. Разумеется, сеньор *Цамёес*, конечно, идите... Я просто переутомился - целый день на жаре... Ничего подобного больше не повторится, даю слово, никаких срывов...

Ц а м ё е с. Я сейчас приду... (Шаг.) *Цамёес* сейчас вернётся... (Уходит.)

Жуао некоторое время остаётся неподвижным, как бы заторможенным. Опускаясь на стул, тяжело дышит. Плеск волн у пирса, шум одиноких машин на *Аvenida Рибейра дас Наус*... Выстрел. Жуао хватается за сердце, оборачивается. Это лопнул воздушный шарик на перилах кафе. Жуао вымученно улыбается и начинает хватать ртом воздух.

ЧЕЛОВЕК В РОЗОВОЙ РУБАХЕ

прибавляет звук монитора.

У ч и т е л ь. Я не живу в мире, я ему не принадлежу. Твоя душа тоже не здесь. (Тычет в меня пальцем.) Большинство пропускает моменты подобного думания и соглашается жить в обещании абстракции... Материальный мир - абстракция, он всегда обещает, но никогда не позволяет овладеть обещанным. И вот из этого-то напряжённого чувства *невозможности овладеть* и приманкой *неведомого дотоле наслаждения* и создан весь этот так называемый *реальный мир*, он создан буквально "из головы", это как раз и является доказательством того, что он *создан*, а не возник из небытия и в небытие уйдёт. Он уйдёт, да, но не в небытие... Он уйдёт, уйдёт насовсем, и недолго осталось, и... (Плачет.) Я уже не могу это остановить... (В камеру.) Молитесь, если можете, а я - умываю руки!

Человек в розовой рубашке нажимает кнопку поиска, идёт к кофейной машине, наливает кофе, делает пару глотков, закуривает, прерывает поиск.

А л - М у ч а с с и н. Значит, это мы, мир сам разваливает себя... жаждет наказания?

У ч и т е л ь. В каком-то смысле, он себя уже давно наказал... Библейская история и библейское *падение* уже совершились - мы живём в прошлом, перманентно переходящим в настоящее и уходящим в будущее, чтобы там обратиться в прошлое, перманентно переходящее в настоящее и уходящее в будущее, обращающееся в прошлое, перманентно переходящее в настоящее, и... (Пауза. Взгляд в сторону.)

Человек в розовой рубашке делает подряд несколько глотков и затяжек.

Идиоты! Они так никогда и не поймут, что загнаны в угол своими же собственными телодвижениями и им придётся платить в конце банкета... (Улыбка.) Я не официант - я всего лишь директор ресторана... (В камеру.) Банкет подошёл к концу, господа!

Стоп-кадр. Человек в розовой рубашке отворачивается от монитора, приближается к огромному, во всю стену, тонированному прозрачному стеклу, за которым -

КОМНАТА БЕЗ ОКОН

Два стула. Двое мужчин: сотрудник в белой рубашке и чёрных брюках и Абдуллач, небольшого роста молодой араб в спортивном свитере Еверласт с капюшоном, спущенных широких джинсах и навороченных кроссовках. Допрос явно не первый и длится уже минут 40-50.

А б д у л л а ч (захлёбываясь). Всё он сделал, он, уверяю Вас, всё он... Спланировал, деньги выделил, пригрозил-убедил-запутал... А я тут ни при чём, уверяю Вас, ни при чём, я только людей подыскивал - Эмираты, Сирия, Германия, Чечня... (Переходит на шёпот священного восторга.) *А знаете, почему у него всё получилось? Знаете?* (Чуть более фольклорно, чем нужно.) Боязно даже вымолвить... (Пауза.)

В о п р о с (кивая). Боязно. Мы слушаем.

А б д у л л а ч. Кто это - мы? (Оглядывается по сторонам, всматривается в стекло.)

В о п р о с (настойчиво; цитируя). *Почему-у-него-всё-получилось?*

А б д у л л а ч (спохватываясь). А-а-а, да-да-да-да! Точно! Почему у него всё получилось! Да-да! (Вновь переходя на священный шёпот.) *Потому-что-у-него-есть-Лампа!*

В о п р о с. Потому что у него есть - ... что?

А б д у л л а ч. Лампа.

В о п р о с. Какая "лампа"?

А б д у л л а ч. Волшебная. *Волшебная Лампа Бин Ладена!*

Оглушительная пауза. Затем - оглушительный то ли звон, то ли противовоздушная сирена. Металлическая дверь в комнату распахивается, и в неё, один за другим и каждый со своим стулом, протискиваются человек 12 агентов, рассаживаются и, закатав рукава белоснежных рубах, принимаются за перекрестный допрос.

В о п р о с (почти-по-слогам-и-очень-холодно; задающий выглядит старше других). *Волшебная-Лампа-Бин-Ладена* - что это?

А б д у л л а ч (съёживаясь). Я... я... не знаю...

В о п р о с (тот же). Компьютер? Код? Бомба? Агентурная сеть?

А б д у л л а ч. Не знаю... У нас говорят - *Лампа...*

В о п р о с. Лампа?

А б д у л л а ч. Лампа.

В о п р о с (молодой и смуглый). Это - *метафора?*

Присутствующие с уважением поворачиваются в сторону произнёсшего слово "метафора" коллеги из Ближневосточного Отдела.

Что она означает?

В о п р о с (старший - молодому). Я же говорю - *код...*

В о п р о с (молодой и смуглый; игнорируя комментарий старшего, Абдулл'е). Что-значит-слово-*лампа?*

А б д у л л а ч (прикрывая лицо в ожидании настоящего допроса). "Лампа" значит "лампа".

В о п р о с. Конкретней!

А б д у л л а ч. "Лампа". Что может быть конкретней? *Лампа!*

Пауза.

В о п р о с (холодно, отчётливо). Если Вы, дражайший наш Абдуллач, не объяснитесь, и причём, немедленно, что означает весь этот ориентально-сентиментальный символизм, мы передадим ваше тело в распоряжение других, более нетерпеливых государственных служб.

А б д у л л а ч (с готовностью). Объяснюсь, объяснюсь, если господам так угодно...

В о п р о с. Господам угодно.

А б д у л л а ч (заканчивая). Только объяснять, как бы это поточнее сформулировать, нечего...

В о п р о с (старший - помощнику). Свяжитесь с 5-ым отделом...

А б д у л л а ч (взвизгивая). Не надо! Не надо связываться с 5-ым отделом! Я ничего, кроме того, что у него есть *Лампа*, не знаю, клянусь! Лампа волшебная, исполняет любые желания, достаточно её потереть и - оп! - самолёт влетает в служебные помещения... Всё! Больше мне ничего не известно! Никто из наших лампу эту проклятую не видел, только один, Мечмет, да и то случайно...

В о п р о с. Мечмет?

А б д у л л а ч. Мечмет, начальник службы безопасности, большой такой, в зелёном халате, у него ещё десять жён и наложниц немерянно... Да знаете вы его - он с Тель-Авивом связан и с ва...

В о п р о с (прикладывая к губам палец). Тс-с-с-с-с-с-с-с-с-с!

Абдуллач тут же затыкается. Старший навешивает паузу, оглядывает сотрудников.

(Тихо.) Позовите Бенджамина...

Сотрудник из Ближневосточного Отдела кивает, выходит.

(Другому.) Кофе. Чёрный. Для меня. (Абдулл'е.) Кофе пьёшь?

А б д у л л а ч (вздрагивает). Что, простите?

С т а р ш и й. Кофе?

А б д у л л а ч. Чай. Если можно, зелёный.

С т а р ш и й (сотруднику). Чай. Если можно, зелёный.

Сотрудник кивает, встаёт со стула, уходит.

(Абдулл'е; доставая из кармана сигареты). Куришь?

А б д у л л а ч (отрицательно, но благодарно кивая). Хаш. (Просительно.) Только, пожалуйста, афганский...

С т а р ш и й (другому сотруднику). Хаш. Только, пожалуйста, афганский. (Абдулл'е.) Ещё желания?

А б д у л л а ч. Благодарствую. Больше ни в чём нужды не имею.

С т а р ш и й (сотруднику). Благодарствует. Больше ни в чём нужды не имеет. Можете идти. (Смотрит на часы, переводит взгляд на следующего.) Позвоните моей жене, скажите, домой я сегодня не приду...

Сотрудник вопросительно вздёргивает брови.

(Отмахиваясь.) Придумайте что-нибудь...

Сотрудник выходит.

(Абдулл'е.) Женат?

А б д у л л а ч. Был.

С т а р ш и й. Не сложилось? Развёлся?

А б д у л л а ч. Не сложилось. Развёлся. Убил.

С т а р ш и й. Не понял.

А б д у л л а ч. Убил я её. Зарезал. (После паузы.) Хотел барашка приготовить - у брата сын родился - а она всё время под руку болтала, указывала, как барашка по шее полоснуть - будто я сам не знаю! - где тазик подставить, как кровь слить... (Шмыгает носом, на грани слёз.) Красавица была писанная - в пупке напёрсток оливкового масла помещался... (Достаёт из портмоне несколько фотографий, показывает.) Это мы после уговора, на Ниагарском водопаде...

Старший разглядывает снимки.

А вот наша свадьба...

Старший (изучает). А это кто, слева?

Абдуллач. Как - кто? *Учитель*, разумеется...

Старший. Вы уже *тогда* были знакомы?

Абдуллач. *Тогда*? Да этой фотографии ещё и года-то нет! В прошлом сентябре... (Морщит лоб.) Сейчас-сейчас... (Переворачивает фотографию.) Да вот - что там вспоминать! - "11.09.2000, Исламабад" - всё здесь написано...

Старший. Что-о-о? Одиннадцатого сентября ты с ней бракосочетался?

Абдуллач. А что тут особенного... (Останавливается.) В самом деле... Странно - совпадение? (Старший не отвечает. Абдуллач тупо смотрит на Старшего, тот - на Абдуллачу.)

Старший (отворачивается, передаёт фотографию коллегам). Отсканируйте, пожалуйста...

Один из сотрудников принимает, направляется к выходу.

Абдуллач. Э-э! Куда понёс? Дорога как память...

Старший. Не беспокойся, Абдуллач, он парень дисциплинированный - вернёт.

Абдуллач. У меня и так почти все фотки родственники растащили...

Старший (кивает). Знакомо... (Листает дальше.) Стоп! (Переворачивает следующую фотографию лицевой стороной к Абдуллачу.) Снова он?

Абдуллач. Угу.

Старший. А в руке у него что?

Абдуллач. Не знаю... Впервые вижу...

Старший (поднимая фотографию над головой; присутствующим). *Конусовидное утоньшение сверху предмета!*

Абдуллач. Ну Вы и выражаетесь! (На фотографию.) Да это подарок, в бумагу завернут, сверху - бантик...

Старший. Какой подарок?

Абдуллач. Свадебный.

Старший. И что он вам подарил?

Абдуллач (надолго задумываясь; чрезвычайно серьёзно). Не помню. Хоть убейте - не помню!

Старший. Убить?

В наступающей тишине слышно, как Абдуллач сглатывает.

(Сотруднику.) Увеличьте правую руку Аладдина до максимума...

Абдуллач. Э-э!.. А эту куда?

Сотрудник, забравший фотографию, едва не сталкивается с другим, вносящим в комнату поднос. Поднос ставится между Старшим и Абдуллачой.

Старший. Благодарствую. Можете идти... (Разливает себе кофе, Абдуллаче - чай, отсутствующе смотрит сквозь араба.) А где Бенджамин?

Сотрудник. Сходить узнать?

Старший. Сходи, милый, сходи...

Сотрудник выходит. Пауза. Старший пьёт кофе, обводит глазами собравшихся. Осмотром не удовлетворён. Дверь открывается. Сотрудник, посланный за афганским хашем, возвращается с небольшим целофановым пакетиком. Абдуллач тут же отставляет чай в сторону и принимается скручивать длинный толстый джойнт.

(Ко всем.) Так, все вышли, быстро!

Никто не двигается с мест.

Я кому сказал! Встали и вышли!

Коллеги выходят из оцепенения, а затем - один за другим - из комнаты.

Запаливай, Абдуллач!

Абдуллач запаливает джойнт, и двое оставшихся в комнате мужчин начинают неторопливо его потреблять.

(Тихо.) Ты её любил?

А б д у л л а ч. Очень.

С т а р ш и й (пара новых затяжек). А теперь?

А б д у л л а ч. Теперь - ещё больше... (Начинает рыдать, горько, безутешно.)

С т а р ш и й (пытается обнять Абдуллачу - получается не очень - но его это не останавливает). Ну-ну... Успокойся... В моей семейной жизни тоже не всё так просто...

А б д у л л а ч (сквозь слёзы). А у меня и этого не было... Ни "просто", ни "сложно" не было...

Семейной жизни у меня не было - понимаешь?

С т а р ш и й. Понимаю... (Гладит Абдуллачу по голове.) Богу надо чаще молиться.

А б д у л л а ч (с надеждой). Аллаху?

С т а р ш и й. И пророку его - Мухаммаду. (Встаёт.) Сейчас приду... Я быстро... (Не очень твёрдо держась на ногах и с преувеличенным вниманием к деталям, выходит.)

Абдуллач остаётся один. Попыхивая и размазывая по щекам слёзы, смотрит в никуда. Добив до конца джойнт, поднимается, оглядывается по сторонам, пытаясь определить направление на Мекку. Не очень уверенно замирает лицом в угол, стягивает с себя свитер, задумчиво шевелит губами, читая надпись на спине.

А б д у л л а ч. Е-вер-ласт... "Вечность"... (Бросает свитер под ноги и опускается на колени, погружаясь в глубокую молитву.)

Дверь в комнату открывается. Бенджамин, человек, неправдоподобно похожий на *Учителя*, входит в помещение. В руках у него свёрток, подозрительно напоминающий свёрток со свадебной фотографии Абдуллачу. Бенджамин приближается к группе оставленных коллегами стульев, присаживается на один из них, разворачивает свёрток, достаёт полбагета, набитого ветчиной и листьями салата, и принимается в него внедряться.

Б е н д ж а м и н (с набитым ртом, на араба не глядя). Однажды я шёл впереди аль-Мутадида - он направлялся во внутренние покои... (Откусывает от багета.) Подойдя к половине Шагаб, матери аль-Муктадира, он остановился послушать, что там происходит и подглядеть в просвет между занавесями... (Тщательно пережёвывает.) Аль-Муктадир, которому было тогда пять, сидел в окружении мальчиков-рабов его возраста...

Спина Абдуллачу медленно распрямляется. Он слышит Бенджамина, но повернуться не решается.

Перед ним на серебряном блюде лежала горсть винограда - в то время года редкое кушанье... (Откусывает от багета.) Мальчик съел одну виноградину, а потом стал раздавать - и тоже по одной - всем по очереди... (Жуёт.) Его отец вспыхнул от гнева и ушёл, не заходя в покои. Я спросил, чем вызвано его недовольство. "Если бы я не боялся адского огня и позора, я убил бы моего сына на месте, ибо его смерть пошла бы на пользу мусульманам". "Господин, - воскликнул я, - да хранит его небо! Что сделал этот мальчик?" "Горе тебе, - отвечал он, - я знаю, что говорю. Я управляю государством, я привёл его в порядок. Но я умру и знаю, что после моей смерти народ выберет моего старшего сына аль-Муктафи. Однако ему не суждена долгая жизнь, ибо он страдает тяжким недугом... (Откусывает, жуёт.) Он скоро умрёт, и народ, желая сохранить власть за моей семьёй и не найдя никого старше, изберёт аль-Муктадира. А он ещё ребёнок, он щедр от природы - ты видел, как он кормил этих мальчишек тем же, что ел сам, разделив виноград поровну, а ведь обычно мальчишки жадны... (Жуёт.) Женщины, близкие к престолу, одо-

леют его, и он начнёт раздавать накопленное мною так же, как только что роздал этот виноград. Придёт конец благоденствию в государстве, пограничные области будут утрачены, бунтовщики восстанут, и это приведёт к падению власти Аббасидов..." (Откусывает снова.) "Нет, господин, - отвечал я, - да продлит Аллах твои годы, чтобы твой младший сын успел ещё при твоей жизни вырасти и достигнуть зрелых лет, изучая твоё правление и во всём уподобляясь тебе!" (Поворачивает голову в сторону Абдулла'ы.) "Запомни, что я тебе сказал, ответил он, ибо так всё и будет..." (С хрустом откусывает.) Вскоре аль-Муктадид умер и его приемником стал его старший сын аль-Муктафи, а после его смерти трон перешёл к аль-Муктадиру. Сбылось всё, что предсказывал его отец... (Пауза. Задумчиво.) И вот всякий раз, когда я видел, как этот бывший мальчик, напившись допьяна, требовал денег, и их доставляли, и развязывали кошельки, а он раздавал их содержимое своим жёнам и рабыням или играл на эти деньги, я со слезами - понимаешь, Абдуллач, *со слезами* - вспоминал слова моего господина... (Отправляет в рот последний кусок, отряхивает от крошек одежду.) Так и ты, *друг мой несовершеннолетний*, рассчитываешь то, что я собирал долгие годы джихада.

А б д у л л а ч (не оборачиваясь). Я не виноват, *Учитель*...

Б е н д ж а м и н. Видит Аллах, ты никогда не был моим *Учеником!* (Достаёт из складок одежды пистолет с глушителем.) Зачем ты роздал мой виноград, раб?

ТАБАЧНАЯ ЛАВКА ФЕРНАНДО

Руа Цас Сантарем, ночь

Цамёес входит в узкое, захламлённое товаром пространство. У стойки - Фернандо, трёхпалый (правая рука) старик, так же, как и *Цамёес*, не вынимающий изо рта сигареты и скептической улыбки. Глаза мудрые, в морщинах. Куча разнообразных сигаретных пачек, от стойки до потолка, доходящих до подвешенного в правом верхнем углу телевизора *Счарп*.

Ц а м ё е с. Фернандо?

Ф е р н а н д о (после паузы). Мы знакомы, сеньор?

Ц а м ё е с. Нет. Я только собираюсь это сделать. (Протягивает руку.) *Цамёес*.

Ф е р н а н д о (рукопожатие). Поэт?

Ц а м ё е с. Поэт умер.

Ф е р н а н д о. Мёртвые ко мне тоже заходят. Большинство из них серьёзно покурило при жизни. Кроме того, никто не умирает, сеньор *Цамёес*. Поэты - тем более.

Ц а м ё е с. Я не поэт, Фернандо. Я - *просто Цамёес*. У тебя есть *Цочиба*?

Ф е р н а н д о. Верхний ряд... (Поворачивается к товару и телевизору.) Не возражаете - я телек включу - 24-часовые новости...

Ц а м ё е с (пожимая плечами). Я всё равно ухожу.

Ф е р н а н д о. Все так говорят... (Давит на кнопку он/офф, вынимает из верхнего ряда пачку *Цочибы*, поворачивается к *Цамёес*'у.) Цену, я полагаю, Вы знаете.

Ц а м ё е с. Иногда мне тоже так кажется... (Достаёт из кошелька несколько монет, выкладывает на прилавок.)

На экране телевизора появляется лицо *Учителя*. Губы его движутся, но что он говорит, не слышно. Многократно перезаписанное видео.

Фернандо, сделай чуть громче, будь добр...

Фернандо прибавляет громкость.

У ч и т е л ь. Западная цивилизация погибнет от сострадательности...

Ц а м ё е с (тихо). Давно не виделись.

У ч и т е л ь. Как Греция погибла от софистов, а Рим - от "паразитов", от прихлебателей за

столом оптиматов...

А л - М у ч а с и н (за кадром). И каков будет механизм гибели?

У ч и т е л ь. Механизм гибели западной цивилизации будет заключаться в параличе против всякого зла и насилия, и в конце времён злодеи разорвут мир... Заметь, уже давно, *очень давно*, теснится, осмеивается и оскорбляется всё доброе, простое, спокойное, по-просту - добродетельное. (Меняя голос.) *Он зарезал 80-летнюю бабу и её 8-летнюю внучку!* (Прежним голосом.) И все молчат! *"Не интересно"*. Вдруг - как у Достоевского: "мещанин в чуйке" полоснул по морде резчика. И все вскакивают - "он оскорбил *лицо человеческое*, совершил некультурный акт!" (Коротко проводит рукой по бороде.) Запад загнётся не от сострадательности, он сдохнет от *лжесострадательности!* Цивилизации, мой друг, гибнут от извращения основных добродетелей, стержневых, на которых "всё тесто взросло". В Греции это был ум, сщфия, в Риме - волю, "господствую", у христиан - *любовь*... "Гуманность" общества и литературы и есть ледяная любовь, сосулька, играющая на зимнем солнце и кажущаяся алмазом... Вот от этих-то "алмазов" и погибнет всё... (В камеру.) *Души* в вас нет, господа, и - ничего не выходит...

По изображению начинают бегать полосы. Треск помех и прочие технические гадости. *Цамёес* распечатывает пачку, закуривает, разглядывает грязный пол табачной лавки. Фернандо возится с настройкой. Толку никакого.

Ц а м ё е с. Забуди, Фернандо. Это - навсегда.

Ф е р н а н д о (не слышит). Что?

Ц а м ё е с. Отсутствие изображения. Картинка останется искажённой. Ныне и присно и во веки веков. Спасибо за сигареты. (Сгребает со стойки пачку *Цочиб'ы*.) Прощай, старик!

Ф е р н а н д о. До свиданья.

АРАБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Багдад, 961 год

Арабы. Их много. Сидят в несколько беспорядочных ленивых рядов, разглядывая вас. Дорогие одежды, ковры, перстни, угощения. Похоже на фотографию в "Спигел'е" (Нр. 38/15.9.01, стр. 143). Сидят они так давно, почти не двигаясь, после трапезы, слегка улыбаясь. Им ничего не нужно. *Они просто здесь*.

А б у - л ь - Ф а д ь (нарушая молчание; неторопливо). Однажды мне довелось вместе с Ибн Мактумом и другими почётными гостями обедать в походном шатре Юсуфа ибн Ваджиха. Шатёр был бахнаский, равного которому я никогда не видывал... (Оглядывает присутствующих и обстановку.) В середине шатра было возвышение из чёрного дерева, украшенное золотыми гвоздями, на нём - огромная шёлковая подушка. Перед возвышением лежал ковёр из Джахрама и циновка из Тиверии, в центре шатра - серебряный стол и яства... Когда мы отообедали, Юсуф удалился, и вошли слуги, чтобы убрать. Их было столько же, сколько нас, и они несли серебряные тазы и кувшины с водой. Мы вымыли руки, рабы ушли, появились другие. Эти принесли зеркала, хрустальные сосуды и курильницы, и мы стали окуривать себя благовониями. Затем нас пригласили в шатёр из парчи, ещё более великолепный, чем первый. На тридцати литых золотых подносах лежали сделанные из амбры лимоны, дыни и многое другое. По четырём сторонам каждого подноса стояли огромные белые вазы, наполненные розовой водой и украшенные фигурами из камфорного дерева. Вернулся Юсуф, велел подать виноградные вина тех сортов, что возделывают в горах Омана, и завёл с Ибн Мактумом разговор об Али ибн Бувайхе. "Я хочу, чтобы ты рассказал, что мой брат собрал за время своего правления". Ибн Мактум ответил, что у Али ибн Бувайха на службе две тысячи тюрок, четыре тысячи мулов, две тысячи верблюдов... Но Юсуф прервал его: "Горе тебе! Это семейные дела и расходы, я не об этом спрашиваю. Меня интересует, что есть у него такого, в чём пра-

вители стараются превзойти друг друга”. Ибн Мактум ответил: ”Старинных драгоценностей и сокровищ у него примерно на девяносто миллионов дирхемов”. ”Опять ты говоришь не о том, - произнёс Юсуф. - Я хочу знать о таких сокровищах и драгоценностях, которые весят немного, но которые правители носят на себе на случай беды.” - ”Об этом я ничего не знаю, - ответил Ибн Мактум. - Я только слышал, что ему досталась вещь, принадлежавшая раньше аль-Муктадиру, красный рубин, весом в пять мискалей.” Тогда Юсуф позвал раба и попросил принести ларец, объяснив, какой именно. Затем он достал золотой ключ, осмотрел печать на ларце, открыл его и вытащил трость с низанными на нею кольцами с рубинами, бирюзой и сердоликом. ”Это безделица, не обращайтесь внимания” - сказал Юсуф и вынул ожерелье из девяноста трёх драгоценных камней, каждый величиной с яйцо змеи или воробья. ”Это ожерелье было в сокровищнице моего дяди со стороны матери, а после попало ко мне. Я ищу повсюду ещё семь таких же камней, чтобы в ожерелье их стало сто, но вот уже столько лет мне ничего не удаётся найти.” Затем Юсуф достал бриллиантовый перстень с печаткой и, одев его, поднёс к сердоликовой печатке Ибн Мактума. Бриллиант притянул сердолик, как железный магнит и печатка Ибн Мактума разлетелась на куски. Юсуф улыбнулся и достал из ларца завёрнутый в тонкий платок хлопок, из которого он извлёк предмет, ослепивший нас своим сиянием и наполнивший шатёр светом. Это был красный рубин величиной с кисть руки и очень на неё похожий. ”Ну, как это по сравнению с рубином, который ты только что описал, Ибн Мактум?” Мы были потрясены и долго рассматривали эту ”руку”...

Пауза.

Абу-ль-Хусайн ибн Аййаш. Известно ли Вам, почтенный Абу-ль-Фадль, у кого эта рубиновая ”рука” теперь?

Абу-ль-Фадль (вынимая фотокарточку размером 9x13 и передавая её Абу-ль-Хусайну). У человека, держащего в ней завёрнутый в подарочную бумагу предмет.

Абу-ль-Хусайн ибн Аййаш (всматриваясь в фотографию). Этот человек нам знаком... (Передаёт фотографию другим.) А когда и при каких обстоятельствах произведён этот снимок, почтенный Абу-ль-Фадль?

Абу-ль-Фадль. 11 сентября 2000 года в Исламабаде на свадьбе некоего Абдулла’и с младшей дочерью Абу Абдаллаха аль-Муфаджжи.

Абу-ль-Хусайн ибн Аййаш (задумчиво). Это обстоятельство, почтенный Абу-ль-Фадль, достойно нашего пристального внимания, не так ли?

Абу-ль-Фадль (полупоклон). Не осмеливаюсь противоречить, мой господин.

Фотография путешествует по рукам присутствующих в шатре арабов.

Абу-ль-Хусайн ибн Аййаш. Когда Саид стал преследовать Исмаила ибн Бульбуля, тот перестал выходить из дому. А поскольку он ожидал рождения ребёнка, то приказал привести к нему астролога, чтобы составить гороскоп. Астролога привели, но тут один из присутствовавших сказал: ”Что ты собираешься узнать по звёздам, да поможет тебе Аллах? В городе есть прорицатель, искусней которого нет никого в мире!” И он назвал имя одного бедуина, которого тут же и привели. Исмаил спросил бедуина, знает ли он, зачем его позвали. Бедуин осмотрелся и сказал: ”Спросить о ребёнке, которого вы ожидаете”. А Исмаил не велел говорить ему об этом, и удивившись, спросил, кто родится, мальчик или девочка. ”Мальчик” - ответил бедуин, вновь осмотрев комнату. Тогда Исмаил спросил астролога, что он об этом думает. Астролог ответил, что всё это от невежества. В этот момент на главу Исмаила сел шершень, которого раб согнал и убил. ”Клянись Аллахом, ты убил опоясанного поясом и теперь займёшь его место, - вскричал бедуин. - А я заслуживаю награды за то, что сообщил тебе об этом!” Бедуин принялся танцевать, и тут раздался крик, оповестивший нас о рождении младенца мужского пола. Исмаил возрадовался, что прорицатель оказался прав и что он пообещал ему вазират и падение Саида. И действительно, не прошло и месяца, как аль-Муваффах поручил Ис-

маилу вазират и передал Саида в его власть. Но ещё до того, как ему выдали Саида и он его убил, Исмаил вспомнил о предсказании бедуина и послал за ним, чтобы тот объяснил, как он сумел узнать обо всём этом, ибо событий этих даже и звёзды не предвещали. Бедуин ответил: "Мы просто умеем всё примечать, следим за полётом птиц и толкуем значение увиденного. Когда ты спросил, известно ли мне, зачем меня позвали, я осмотрелся и, заметив кувшины, в которых охлаждали воду, подумал: "Идут роды". А увидев над кувшинами воробья-самца, понял, что родится мальчик. Затем на тебя сел шершень, стянутый поперёк поясом, как христиане опоясываются "зуннаром". Это был враг, который хотел ужалить тебя, а Саид по происхождению христианин и твой враг. Когда же раб убил шершня, я понял, что ты убьёшь Саида и займёшь его место". Исмаил щедро наградил бедуина и отпустил. (Пауза.) Но я хотел сказать нечто другое. (Пауза.) Мальчик, родившийся в тот день у Исмаила, и человек на свадебной фотографии - одно и то же лицо.

ЖУАО СИДИТ НА ПРЕЖНЕМ МЕСТЕ,

уткнувшись лицом в стол. В кафе появляется *Цамёес*. Не глядя на Жуао, он приближается к столику, садится, достаёт сигарету, закуривает, откидывается на спинку стула, и переводит взгляд со своей обуви на неподвижный затылок Жуао. В реальность *Цамёес* ещё не вернулся, поэтому с тем, что она ему демонстрирует, он пока не способен согласиться. Только когда сигарета обжигает ему пальцы, он выпускает окурочек, меняет положение и, придвинувшись к официанту, толкает того кончиками пальцев. Тело Жуао отклоняется на спинку стула и замирает. *Цамёес* подхватывает его запястье, проверяет наличие пульса, затем отпускает руку Жуао болтаться. Вытащив из пачки *Почиб'ы* новую сигарету, он вставляет её в рот, но подкурить забывает. Долгое время *Цамёес* пребывает в неподвижности, затем вынимает из кармана телефон, секунду-другую медлит, и набирает по памяти довольно длинный номер. На том конце, где бы он ни был, снимают трубку.

Ц а м ё е с (словно разговор был прерван минуту назад). Ты должен был мне позвонить... (Слушает.) Они уже здесь. (Слушает.) Может, ты просто не заметил? - между нами всё-таки пять временных поясов... (Улыбается, слушает.) Ошибаться я не могу, *уже* не могу - понимаешь? - я так долго этого ждал... (Кивает.) Поступай, как знаешь, я тебя предупредил... (Слушает невнимательно, явно собираясь разговор сворачивать.) Понятия не имею - я ещё не придумал, *что* мне со всей этой байдой делать... Что-нибудь... (Мирно.) Ладно... Привет семье! (Отключает телефон, кладёт в карман пиджака, курит.)

Ночь. Влажный, густой запах моря. Шум одиноких машин и прибое, мерно накатывающего на прибрежные камни.

БЕНДЖАМИН

смотрит на лежащий в углу труп Абдулл'ы, затем вытаскивает из-под него свитер и, продолжая сжимать в руке пистолет, приближается к стеклу. Утыкаясь в него лбом, прикладывает к груди забрызганный мозгами Абдулл'ы свитер.

Б е н д ж а м и н (человеку за стеклом, которого не видит, но знает, что он там). Е-вер-ласт... (Прячет пистолет, достаёт сложенный вчетверо лист бумаги.) Четверть часа назад получили, из Цюриха... Какой-то независимый журнал... (Разворачивает, читает.) "Ам 19. Апрель 1995 шурде ein Спренгстофф-Аттенат ауф дас Алфред-Муррач Гебюде ин Оклачома

Циты вер-

юбт, беи дем 168 Менсччен старбен. Тимотчы МцВеигч, ein Голфкриег-Ветеран, шурде алс Аттен-

тятер веруртеилт унд им Йуни 2001 чингерицтет. МцВеигч чатте вор сеинем Аттенатат Фреунден геген-
юбер бечауптет, еинен Цчип им Гесяь имплантиерт зу чабен. Дие Бечёрден верфюгтен спятер,
даь
напч МцВеигч'с Ехекутион кеине Аутопсие ан сеинем Кёрпер дурцгфючрт щерде.”
(Складывает
лист, поднимает голову.) Как Вам это нравится?

ТАБАЧНАЯ ЛАВКА ФЕРНАНДО

Фернандо сидит, закрыв глаза и положив голову на стойку с разобранным на мелкие детали телевизором. В лавке появляется *Цамёс*. Фернандо поднимает голову, просыпается.

Ц а м ё е с (останавливаясь перед грудой деталей). Ещё *Цочибьы*, Фернандо...
Ф е р н а н д о (сонно оглядываясь). Который час?
Ц а м ё е с. Я не ношу часов.
Ф е р н а н д о (как на сумасшедшего). Что? *Вы не носите часов?*
Ц а м ё е с. Не ношу.
Ф е р н а н д о (как с гением). Совсем?
Ц а м ё е с. Совсем.
Ф е р н а н д о. Как же Вы время определяете?
Ц а м ё е с. Как числовую последовательность.
Ф е р н а н д о. *А память?* Она во времени или как?
Ц а м ё е с. Или как.
Ф е р н а н д о. Значит, не во времени?
Ц а м ё е с. Вне времени, Фернандо, *вне времени...* О Боже, какое счастье, что существует курсив! (Смеётся.)
Ф е р н а н д о (встряхивая головой). *Курсив не существует!* В действительности его нет! Курсив - это только форма шрифта, отдельно как самость курсив не существует!
Ц а м ё е с (спокойно). Вот так же и со временем, милый мой продавец дыма. *Не существует как самость.*

Внезапно, с глухим звуком, похожим на выстрел из пистолета с глушителем, лежащий на стойке кинескоп лопаётся.

На пол! (Валится как подкошенный.)

Фернандо следует его примеру.

Выключи свет и не двигайся!

Фернандо выключает свет. Наступает относительная бесконечность, наполненная утренним щебетом птиц и рассеяным светом, проникающим сквозь окна табачной лавки.

Ф е р н а н д о (перепуганным шёпотом). Что это, сеньор *Цамоэс*? (*Цамёс* не отвечает.) Кому нужна моя лавка? А? Сеньор *Цамоэс*?
Ц а м ё е с (раздражённо). Никому!
Ф е р н а н д о (возмущаясь). То есть как это - никому! Да только неделю назад Бонита рассказыва...
Ц а м ё е с (перебивает). Да заткнись ты! (Фернандо так и поступает.) У тебя подпол есть?
Ф е р н а н д о. Что-о-о?
Ц а м ё е с. Подпол! Подвал!
Ф е р н а н д о. А как же! На множество кубометров табачных изделий, между прочим, рассчитан! Бонита говорит...

Ц а м ё е с. Да подожди ты со своей Бонитой! (Понижая звук.) А с канализацией старой, периода повторного восшествия на престол Педро IV, но ещё до интронизации архиепископа Равеннского, когда сваха при дворе принцессы Розалинды-кривой предсказала, что у неё родится двойня и вся задохнётся в пуповине, сообщения у тебя, случайно, нет?

ТЕЛЕСТУДИЯ

находится в подвальном этаже. Потолок низкий, в толстых канализационных трубах. Видео-камера на треножнике, пара осветительных приборов, стол, диван. Оператор в чёрных брюках и белой рубашке с закатанными рукавами возится с настройкой. Входит Бенджамин, поправляет тюрбан, делает глоток из стоящей на столе чашки, и тут же выплёвывает этот глоток на пол.

Б е н д ж а м и н. Он же холодный, как сперма пингвина!

О п е р а т о р (не отрываясь от камеры). Пробовал?

Б е н д ж а м и н. Да иди ты... (Опускается на диван, прикрывает глаза, то ли ждёт, то ли молится.) Ты скоро?

О п е р а т о р (нажимает несколько раз на одну и ту же кнопку). Уже готов... (Последний раз.) ОК! Актион!

Бенджамин делает серьёзное лицо, но тут же "раскалывается": прыскает в кулак, затем - смеётся в полный голос.

Б е н д ж а м и н. Стивен, пожалуйста... Не употребляй ты этих киношных терминов - ты же не Спилберг...

О п е р а т о р. Между прочим, я учился у него на факультете в УЦЛА...

Б е н д ж а м и н. И сколько фильмов ты с тех пор снял, а? Когда Оскар и красный ковёр? (Бьёт себя по коленкам.)

О п е р а т о р (наблюдая за Бенджамином; тихо). А ты, Бен? Ты-то что о себе думаешь?

Б е н д ж а м и н (перестаёт смеяться, невинно хлопает ресничками). Извини, старик. Я готов.

Стивен пожимает плечами, кивает на работающую камеру, отворачивается.

(Спине Стивена.) Я не живу в мире, я ему не принадлежу. Твоя душа тоже не здесь... (Тычет в оператора пальцем.) Большинство пропускает моменты подобного думания и соглашается жить в обещании абстракции... Материальный мир - абстракция, он всегда обещает, но никогда не позволяет овладеть обещанным. И вот из этого-то напряжённого чувства *невозможности овладеть* и приманкой *неведомого дотоле наслаждения* и создан весь этот так называемый *реальный мир*, он создан буквально "из головы", он-то как раз и является доказательством того, что и в самом деле *создан*, а не возник из небытия и в небытие уйдёт. Он уйдёт, да, но не в небытие... Он уйдёт, уйдёт насовсем, и недолго осталось, и... (Плачет.) И я уже не могу это остановить... (В камеру.) Молитесь, если можете, а я - умываю руки! (Отворачивается от камеры, смотрит в сторону. По щекам его текут слёзы.) Хороший текст... (Стивену.) Кто его написал?

О п е р а т о р. Какая разница! Тот, кто его написал, уже получил Оскар за лучший сценарий.

КВАРТИРА. ВХОДНАЯ ДВЕРЬ. ЗВОНОК

Лисбоа, rua de С. Йуста

Красивая, лет сорока, мулатка открывает дверь. На пороге *Цамоэс* и Фернандо. Оба коричневые, одежда основательно измазана в говне, запах.

Ц а м ё е с. Долорес - мой друг Фернандо. Желает принять ванну. (Непринуждённый жест, об

одежде.) Средневековое дерьмо, между прочим...

Д о л о р е с. Поздравляю.

Цамоэс и Фернандо вступают в прихожую. Долорес кивает следовать за ней в ванную, щёлкает выключателем, вынимает из тумбочки чистые полотенца, передаёт их *Цамоэс*'у, выходит, оказываясь в гостиной перед работающим телевизором.

У ч и т е л ь (лицо его занимает большую часть экрана). Перестать играть в любовные отношения и чувствования из телевизора, ледяной литературы и заветов матерей - вот что вы должны сделать... (Глоток чая. Пот со лба.) Я не люблю женщину, как вы, я использую её для достижения меня самого. И так как я не скрываю этого, женщина начинает любить меня всё больше и истеричней...

Долорес выключает звук, оставляя *Учителя* немотствовать о роли женщины в его судьбе, идёт на кухню, ставит на плиту турку с кофе, зажигает конфорку, опускается на табурет, закуривает. Из ванной доносится шум воды, из открытого окна - крики играющих во дворе детей. Проходит ровно столько времени, сколько требуется, чтобы докурить сигарету до фильтра. На пороге кухни появляется Фернандо в обмотанном вокруг тощих чресел полотенце, неловко переминается. Долорес кивает на свободный табурет.

Д о л о р е с. Кофе?

Ф е р н а н д о (с преувеличенной готовностью). Благодарю - охотно... (Дополнительно кивая.) С превеликим удовольствием...

Кофе на плите бежит через край, Долорес выключает газ, разливает содержимое турки по трём чашкам, одну передаёт гостю, другую оставляет себе, третью поднимает над головой Фернандо, почти роняя в пространство. В последний момент её успевает подхватить *Цамоэс*, входящий на кухню примерно в том же, что и Фернандо, костюме.

Ц а м о э с (Фернандо). Долорес обладает способностью видеть сквозь стены... Она *точно* знала, когда я войду... (Улыбается.) Не занесена в книгу Гиннеса потому только, что это было бы полной деконспирацией...

Д о л о р е с. Ты болтун, *Цамоэс*. Когда-нибудь тебе отрежут язык заточенной обувной ложкой.

Ц а м о э с. Кто, сокровище моё?

Д о л о р е с. Те, на кого я не работаю. Мужчины ин Щчите.

Ц а м о э с (подхватывая). Тема нашего сегодняшнего заседания!

Д о л о р е с. Слушаю.

Ц а м о э с (отхлёбывает кофе, удовлетворённо мычит, благодарно кивает хозяйке). Те, на кого ты не работаешь, здесь. Труп пока только один, но скоро, может статься, будут ещё... (Перечисляет пальцем присутствующих.)

Ф е р н а н д о (вскидываясь). Какой труп? В чём дело? Что тут происходит, сеньор *Цамоэс*?

Ц а м о э с. Отстрел, Фернандо. Происходит *отстрел*. Удовлетворён?

Ф е р н а н д о. Какой отстрел! Какой "удовлетворён"! А я-то тут при чём, а?

Ц а м о э с. Ни при чём. Тебе просто не повезло, Фернандо.

Ф е р н а н д о. Как это?

Ц а м о э с. Так это. Тебе не повезло в том, что я зашёл к тебе за второй пачкой *Цочиб*'ы. Первая ещё была безопасной, а вот вторая - ... (Долорес.) Они стреляли в меня, когда я был у него в магазине. Сегодня утром.

Д о л о р е с. В котором часу?

Ф е р н а н д о. Часа четыре назад... (Кивает на *Цамоэс*'а; брезгливо.) *Он-не-носит-часов*.

Ц а м о э с (не обращая на Фернандо внимания). В 5.10 по местному.

Д о л о р е с. Что они знают об этом паркете? (Кивает себе под ноги.)

Ц а м о э с. Ничего.

Д о л о р е с. Уверен?

Ц а м о э с. Его не пробить ни по одним из моих документов. Я здесь приватно. Понимаешь, Долорес? *Совсем приватно*.

Д о л о р е с. Я не могу гарантировать тебе безопасность.

Ц а м о э с. Мне нужна только одна ночь, завтра я буду в Испании...

Ф е р н а н д о. Какая безопасность! Какая Испания! У меня семья...

Ц а м о э с (как ребёнку). Была семья, Фернандо, была. Глагол прошедшего времени. И если ты хочешь её ещё когда-либо увидеть, стань моим душевно отсталым братом, послушным и тихим.

Д о л о р е с (поднимаясь с табуретки). Пойду открою... Это Кончита, заказчица из пятого дома... (Выходит.)

Фернандо вопросительно смотрит на *Цамозс*'а, и в этот момент в прихожей раздаётся звонок.

Ц а м о э с. Я тебе говорил. *Долорес видит сквозь стены*. Этим она зарабатывает на жизнь.

Ф е р н а н д о. Это её профессия?

Ц а м о э с. По профессии Долорес портниха. Но кто же сегодня зарабатывает на жизнь своей профессией! Долорес работает на МІС.

ЧЕЛОВЕК В РОЗОВОЙ РУБАХЕ

продолжает стоять у тонированного стекла с чашкой остывшего кофе. Понять, как долго он там, трудно. Ни в комнате, ни в освещении ничего не изменилось. Только за спиной у него новости: прислонившись к противоположной стене тюрбаном, Бенджамин лениво ковыряет носком персидской туфли пол.

Б е н д ж а м и н (цедит). Помните ту историю с пятым самолётом? Бостон - Сан-Франциско... Трёх арабов, которые вроде как передумали... На одного из них мы вышли... Живёт в Лиссабоне, профессор местного университета, литература Древнего Востока... Холост, сожительствует с некоей Долорес, портнихой, часто играет в шахматы на *Прача до Цомёрцио*, курит *Цочибу*, не пьёт, регулярно посещает церковь и рестораны, и прочая, и прочая... Ну, с ним мы когда-нибудь ещё поиграем, он - тля, интеллигент, трус - а вот с ней что делать будем? (Никакого ответа.) Знаете, что за цурицуллум витае у этой портнихи? А чин британской разведки?

Человек в розовой рубашке продолжает, не оборачиваясь, смотреть сквозь стекло. Там из комнаты выносят остатки Абдулл'ы и целые стулья.

Знаете, в какой самолёт нас посадят, когда в МІС о *Лампе* узнают? (Вытягивающая жилы пауза.) Кстати, что это вообще за прибор - *Волшебная Лампа Бин Ладена*?

За стеклом появляется уборщица с ведром и шваброй, вытирает кровь. Человек в розовой рубашке поворачивает голову в сторону Бенджамина, смотрит, а потом так же медленно возвращает её на прежнее место.

Ч е л о в е к в р о з о в о й р у б а х е. Метафора.

Б е н д ж а м и н. "Метафора"? Что это? Код?

Человек в розовой рубашке поднимает свободную от кофейной чашки руку. На жест этот тут же откликаются. В комнате возникает звук. Воспроизводится фрагмент записи допроса Абдулл'ы:

Г о л о с М о л о д о г о и с м у г л о г о. Что-значит-слово-*лампа*?

Г о л о с А б д у л л а ч ' ы. "Лампа" значит "лампа".

Г о л о с М о л о д о г о и с м у г л о г о. Конкретней!

Г о л о с А б д у л л а ч ' ы. "Лампа". Что может быть конкретней? *Лампа!*

Пауза.

Г о л о с С т а р ш е г о. Если Вы, дражайший наш Абдуллач, не объяснитесь, и причём, немедленно, что означает весь этот ориентально-сентиментальный символизм, мы передадим ваше тело в распоряжение других, более нетерпеливых государственных служб.

Г о л о с А б д у л л а ч ' ы. Объяснюсь, объяснюсь, если господам так угодно...

Г о л о с С т а р ш е г о. Господам угодно.

Г о л о с А б д у л л а ч ' ы. Только объяснять, как бы это поточнее сформулировать - нечего...

Г о л о с С т а р ш е г о. Свяжитесь с 5-ым отделом...

Г о л о с А б д у л л а ч ' ы. Не надо! Не надо связываться с 5-ым отделом! Я ничего, кроме того, что у него есть *Лампа*, не знаю, клянусь! Лампа волшебная, исполняет любые желания, достаточно её потереть и - оп! - самолёт влетает в служебные помещения... Всё! Больше мне ничего не известно! Никто из наших лампу эту проклятую не видел, только один, Мечмет, да и то случайно...

Г о л о с С т а р ш е г о. Мечмет?

Г о л о с А б д у л л а ч ' ы. Мечмет, начальник службы безопасности, большой такой, в зелёном халате, у него ещё десять жён и наложниц немерянно. Да знаете вы его - он с Тель-Авивом связан и с ва...

Г о л о с. Тс-с-с-с-с-с-с-с-с-с!

Воспроизведение останавливают.

Б е н д ж а м и н. Благодарю. Можно идти?

Человек в розовой рубашке не отвечает. Бенджамин кивает, поправляет тюрбан и, отделившись от стены, направляется к выходу.

(Останавливаясь, вполоборота.) Так что с портнихой-то делать, а?

КВАРТИРА ДОЛОРЕС

Лисбоа, rua de С. Йуста

Цамёс и Фернандо одни. Сидят в креслах и полотенцах друг напротив друга, курят.

Ц а м ё е с (заканчивая мысль). И тогда я написал обо всём этом... Сценарий... Хотел продать, за большие деньги... (Смеётся.)

Ф е р н а н д о. Продали?

Ц а м ё е с. Агента нашёл... (Пауза.) Нет, не продал, Фернандо. Передумал.

Ф е р н а н д о. Почему?

Ц а м ё е с. Агент пропал. Ушёл на долгосрочную досрочную пенсию. Вместе с манускриптом, семьёй и собакой.

Ф е р н а н д о. Сбежал, что ли?

Ц а м ё е с. Так тоже можно выразиться. Его труп прибило к южной оконечности Пасифик Бич, Лос-Анжелес, Калифорния, Земля, Млечный Путь... О судьбе остального его имущества мне ничего не известно.

Ф е р н а н д о. А манускрипт?

Ц а м ё е с. Думаю, он в надёжных руках. Во всяком случае, там, где он сейчас, его, по крайней мере, читают. А что может быть любезнее для всякого автора, чем знание, что незнакомая, но столь желанная читательская рука перелистывает, слегка слюнявя, страницы твоего опуса! (Поднимается, шагает в сторону кухни.) Винá хочешь? Вечер - вроде как полагается...

Ф е р н а н д о (вздрагивает, выходит из оцепенения). Что Вы сказали? Да-да, конечно... (Вдогонку.) А манускрипт этот... сценарий... почитать можно?

Непонятно, слышал *Цамёес* вопрос Фернандо или нет. Из кухни доносится звук откупориваемой бутылки. Зажав между пальцами два бокала с красным вином, *Цамёес* возвращается в гостиную, протягивает один Фернандо, опускается на корточки, ставит свой бокал на пол, вынимает из паркета несколько соседствующих друг с другом досок, запускает руку в отверстие, извлекает замотанный в пластик пакет, протягивает его Фернандо, возвращает доски на прежнее место, подхватывает с пола бокал, садится в кресло.

Ц а м ё е с. За здоровье оставшихся в живых сценаристов!
Ф е р н а н д о (чокаясь). И продавцов табачных изделий!

Пьют.

(Осторожно дотрагиваясь до пакета.) Можно?

Ц а м ё е с. Да-да, конечно! Читай на здоровье... (Закрывает глаза, замирает.)

Фернандо принимается освобождать содержимое пакета от пластика. На коленях его оказывается толстая тетрадь в кожаном переплёте. Благоговейно её раскрывая, Фернандо уходит в скачущий рукописный текст. Пауза. *Цамёес* погружён с себя, Фернандо - в чтение.

Ф е р н а н д о (осторожно). Здесь, сеньор профессор *Цамёес*, про каких-то вазиров всё время...

Ц а м ё е с (с закрытыми глазами; мягко). Что, не интересно тебе это, Фернандо?

Ф е р н а н д о (деликатно). Да как Вам сказать... Вот про льва - хорошо, талантливо, а про куропатку - уже не очень... уже страшно...

Ц а м ё е с. Про льва? А что там про льва? Ну-ка, прочти...

Ф е р н а н д о (откашливаясь). "Однажды я сопровождал *Учителя* на охоте. Мы были одни, и когда появился лев, никого, кроме меня, возле него не было. Остановив коня, *Учитель* повернулся ко мне и спросил: "Хафиф, чувствуешь ли ты себя достаточно сильным?" - "Нет", - ответил я. - "Не можешь даже подержать моего коня, пока я разделаюсь со львом?" На этот подвиг я был способен, и *Учитель* спешился. Затянув пояс, он выхватил меч и двинулся на льва. Нанеся ему один за другим несколько ударов и разрубив его голову, он насухо вытер меч о львиную гриву. Затем *Учитель* вернулся ко мне, сел на коня, и мы молча отправились в лагерь... Вплоть до сего дня я никогда не слышал, чтобы он рассказывал кому-нибудь об этом льве или же хоть словом обмолвился о случившемся. И я не знаю, что поражает меня больше: его смелость и то, что он не придал никакого значения своему поступку, или то, что он простил мою трусость и никогда не укорял за то, что я слишком дорожил своей жизнью..." Вот, сеньор *Цамёес*...

Ц а м ё е с. Да, Фернандо?

Ф е р н а н д о. Какого чёрта они вообще туда сунулись?

Ц а м ё е с. Кто, Фернандо?

Ф е р н а н д о. Да эти двое, *Учитель* и *Хафиф*... Зачем они в пучи... пустыню ринулись?

Ц а м ё е с. На охоту.

Ф е р н а н д о. А разве на охоту без ружей ходят?

Ц а м ё е с. Может, они выпили, Фернандо? (Поднимает бокал. Глоток.)

Ф е р н а н д о. Точно! Как пить дать выпили! (Пьёт.) С пьяными всегда так - как выпьют, так на абсурднейшие поступки решаются! По себе знаю... Вот третьего дня Бонита рассказывала, как я одна...

Ц а м ё е с (перебивает). ПОЧЕМУ они на эти абсурднейшие поступки решаются? Вот как надо вопрос ставить, мой милый Фернандо... *По-че-му!* (Жест.) Твоё мнение!

Ф е р н а н д о. Пьяные потому что!

Ц а м ё е с. Правильно, но не верно! *Почему они пьют? Зачем? От какой такой экзистенциальной тоски?* Что им трезвыми-то быть мешает?

Ф е р н а н д о (пытаясь уловить). Что им трезвыми быть ме... Экцистеальная - чево? (Зависает. Находит.) Да алкоголь им трезвыми быть мешает! *Содержание алкоголя в крови!*

Ц а м ё е с (взмахивает бокалом, подаётся расцеловать собеседника). Наконец-то! Наконец-то, генный ты мой, Цочибба, Куба, Гавана, Фидель Кастро! Произнёс! Выговорил! (Встаёт, направляется на кухню.) Пойду ещё принесу...

Цамёес уходит на кухню, Фернандо - в произведение литературы и госбезопасности. Шевелит губами.

Ф е р н а н д о (читает, негромко, почти по слогам). "Однажды я обедал у ар-Расибби. Было много гостей... (Прерывается, оглядывает пустую гостиную.)

Гостей не прибавилось. Из кухни появляется *Цамёес* с бутылками красного.

(В тетрадь.) ... много гостей, и среди них предводитель курдов с пограничных земель... (Смотрит на откупоривающего бутылки *Цамёес*'а; в тетрадь.) Этот человек раньше промышлял грабежом, но потом добился прощения ар-Расибби и тот приблизил его к себе. В тот день курд был у него за обедом, и когда подали куропаток, ар-Расибби бросил ему одну, так сильные мира сего оказывают честь своим подданным. (Смотрит на *Цамёес*'а; снова в тетрадь, повторяет.) Так сильные мира сего оказывают честь своим подданным.

Фернандо кивает на свой пустой бокал, и *Цамёес* наполняет его вином. Фернандо совершает жест благодарности, затем - безразмерный глоток красного.

(С подъёмом читает дальше.) Курд подхватил куропатку и засмеялся... Ар-Расибби удивился и спросил: "Почему ты смеёшься? Мы не видим для этого никакой причины..." Курд ответил: "Из-за одного случая, связанного с куропаткой... Однажды, когда я ещё был разбойником и поджидал путников на горной дороге, ко мне приблизился одинокий странник. Я преградил ему путь, но он и не думал сопротивляться и стоял спокойно, пока я не забрал всё, что у него было, и не велел ему раздеться. Раздевшись, он собрался уходить, но я испугался, что он может встретить кого-нибудь, попросить о помощи, и меня схватят, и занёс меч... "Послушай! Что такого произошло? - произнёс он. - Ты забрал мою одежду и раздел меня догола. К чему же тебе убивать меня?" Но я не обратил внимания на его слова и снова занёс меч... Тогда он обернулся и, увидев на горе куропатку, закричал: "Куропатка! Будь моей свидетельницей перед Аллахом, что меня злодейски убили!" Тут я стал наносить удары и прикончил его...

Фернандо останавливается, залпом выпивает свой бокал, мрачно качает головой.

(В тетрадь) Я никому не рассказывал этой истории, но увидев куропатку, вспомнил того глупца и рассмеялся." Ар-Расибби изменился в лице и сказал: "Можешь не сомневаться, что свидетельство куропатки не пропадёт даром. Я простил тебе только грабежи. Но Аллах не простил тебе кровопролития и заставил сознаться в убийстве в моём присутствии. Раб, отруби ему голову!" Раб бросился исполнять, и другие присутствующие также обрушили на курда удары своих мечей. Каждый рубил по затылку, так что вскоре голова его уподобилась рассечённой на части дыне, и скатилась на землю. Тело курда оттащили в сторону и мы с ар-Расибби продолжили трапезу..." (Останавливается, с шумом выдыхает, пьёт, цокает языком.) Вот зверский народ, вот звери-то... "Продолжили трапезу"... (Вдруг.) А кто такой *Хафиф* этот, а, сеньор профессор?

Ц а м ё е с. Сеньор профессор.

Ф е р н а н д о. Не понял.

Ц а м ё е с. *Хафиф* - это я. Сеньор профессор.

Ф е р н а н д о. Вас зовут *Хафиф*?

Ц а м ё е с. Звали, Фернандо, звали. Вечно ты путаешь прошедшее с настоящим...

Ф е р н а н д о. Противоречие, сеньор профессор, противоречие! Ибо если я путаю прошедшее с настоящим *вечно*, значит, их, понятий этих абсурдных, и вовсе нет! Как таковых нет!

Не наблюдается! (Икает.) А что есть, спросите Вы? И я Вам отвечу: *Вечность, Эверласт, Сплошное...*

Ц а м ё е с. По-моему, нам-таки удалось напиться, Фернандо.

ТЕЛЕСТУДИЯ

Бенджамин на диване перед камерой. Рядом - Старший, допрашивавший Абдулл'у. У камеры - человек в розовой рубашке.

С т а р ш и й (отвечая на вопрос, который мы не слышим). Не уверен... Не думаю.

Ч е л о в е к в р о з о в о й р у б а х е. И Вы ни о чём с ним заранее не договаривались?

С т а р ш и й. Нет.

Ч е л о в е к в р о з о в о й р у б а х е. Зачем тогда Вы просили позвать его во время допроса?

С т а р ш и й. Не помню... Была какая-то мысль... О чём-то в связи с "делом"...

Ч е л о в е к в р о з о в о й р у б а х е. О чём именно?

С т а р ш и й. Не помню... Уже не помню.

Пауза.

Ч е л о в е к в р о з о в о й р у б а х е. Бен!

Б е н д ж а м и н. Да?

Ч е л о в е к в р о з о в о й р у б а х е. Зачем ты застрелил подследственного?

Б е н д ж а м и н (пытаясь найти подходящие слова). Я... я... Понимаете... бывают такие состояния, интимные, о которых банально... так запросто не скажешь... Тем более, при посторонних... (Откровенно указывает головой на Старшего.)

Пауза.

Ч е л о в е к в р о з о в о й р у б а х е. Ладно, Бен... (Старшему.) Вы свободны, полковник.

Старший поднимается с дивана, уходит. Следом за ним в студии появляется оператор с чашкой кофе, отдаёт её человеку в розовой рубашке, шагает в темноту.

(Слегка кивая.) Благодарю, Стивен... (Два глотка подряд; Бенджамину.) Так что же интимного, Бен, в том, как ты обошёлся с Абдулл'ой?

Б е н д ж а м и н. Ничего. Просто я в какой-то момент почувствовал, что я - это Он.

Ч е л о в е к в р о з о в о й р у б а х е. Кто - он?

Б е н д ж а м и н. *Учитель.*

Ч е л о в е к в р о з о в о й р у б а х е. А при чём тут *Учитель*?

Б е н д ж а м и н. Если бы он был на моём месте, он поступил бы так же.

Пауза.

Ч е л о в е к в р о з о в о й р у б а х е. А сейчас ты себя им тоже ощущаешь?

Б е н д ж а м и н. Сейчас? В эту секунду? (Вслушивается в себя.) Нет. Сейчас не ощущаю. Это как озноб, знаете... Внезапно... Вдруг... И так же вдруг уходит...

Ч е л о в е к в р о з о в о й р у б а х е (протягивает чашку в никуда, откуда тут же появляется оператор, чтобы принять). Благодарю, Стивен... Принесите, пожалуйста, *пирожное и жертву*...

Оператор исчезает.

(Бенджамину; зло.) Значит, получается, что минимум 50 000, весь народ, висящий на этом проекте, должен зависеть от твоего *озноба*?

Б е н д ж а м и н. Я этого не говорил.

Ч е л о в е к в р о з о в о й р у б а х е. Ты это сделал.

Б е н д ж а м и н (заикаясь). Я один знаю, как найти *Учителя*... Он уходит от силы, но он беспомощен перед любовью. У вас есть первое, но нет второго. У меня есть второе, но нет первого. Дайте мне первое и я выйду на него. Подчинитесь мне как первому, и вы по-

лучите и второе и третье! Слушайте меня, второго, и вы станете первыми! (Проситель-но.) Но только не мешайте мне, уроды...

Оператор выходит из темноты. В руках у него *ни пирожного, ни жертвы*.

Человек в розовой рубашке. Стивен, подайте Бенджамину третье...

Лавируя между осветительными приборами, Стивен приближается к дивану, достаёт из рукава турецкий тесак, перерезает Бенджамину горло и выходит из кадра.

АРАБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Собравшиеся в шатре разбиты на пары. Играют в шахматы.

Абу-ль-Хасан аль-Ахвизи (передвигая фигуру). Один антиохиец по имени Абу Ибрахим страстно увлекался шахматами, совершая при этом прямо-таки чудеса. Он, бывало, играл с моими рабами, стоя на коленях на земле, опершись на руки и ничего вокруг не замечая, так что, если кто-нибудь подходил сзади и клал ему на спину подушки, он этого не чувствовал, пока не заканчивал игру... Тогда он их сбрасывал и ругал рабов...

Арабы ухмыляются, покачивают тюрбанами, цокают языками, но от досок не отрываются.

Абу-ль-Хасан ибн аль-Фурат. Как-то вечером я отправился навестить одного моего друга. Наступило время вечерней молитвы, но он попросил меня остаться, чтобы мы могли поиграть. Я отказался. Тогда он предложил сначала помолиться, а потом сыграть партию-другую до ночного созыва. Помолившись, мы зажгли лампу, но начав играть, так увлеклись, что не заметили, как прошла ночь. Снова раздался призыв на молитву, и я стал прощаться. Мой друг позвал рабов, но они спали... И только выйдя из катакомб, мы поняли, что призывали к утренней молитве и что прошла целая ночь...

Абу Хузайф Вазиль ибн Ата. Я знал этого человека... (Улыбаясь.) Ас-Саймари... Верно? (Абу-ль-Хусайн ибн Айяш кивает.) Он так увлекался игрой, что как-то на мой упрёк ответил: "Я не страстный игрок. Страстный игрок и на смертном одре, когда ему велят сказать: "Нет бога, кроме Аллаха", скажет: "Тебе шах! Оставь "башни" в покое!"

ПРАЧА ДО ЦОМЕРЦИО

Ночь. Цамёс и Фернандо в открытом кафе.

Кафе опоясано полосатой полицейской лентой. Стул, на котором сидел Жуао, очерчен мелом. Единственным ярким пятном, точнее, двумя, являются одежды Цамёс и Фернандо: пёстрые и какие-то полудамские костюмы Эпохи Реставрации. В руках у каждого по бутылке вина, к коим они активно прикладываются.

Фернандо. Уверен, выглядим мы, сеньор Цамёс, весьма идиотски...

Цамёс (оглядывает сначала Фернандо, затем себя, отрицательно качает головой). Способность к перемене облика - первый шаг к победоносной конспирации! (Поправляя юбку.) Долорес - потрясающая портниха, шьёт, между прочим, для оперы...

Фернандо (кивает, пьёт, романтически вглядывается в очертания противоположного берега). Для оперы... Красивый всё-таки город...

Цамёс. Что? Ах, это... (Кивает.) Красивый...

Фернандо (переводя взгляд на очерченный мелом стул). А почему они убили Жуао, сеньор профессор?

Цамёс (устало). Кто - "они"? Зачем тебе этот мусор, Фернандо?

Ф е р н а н д о (пожимает плечами). Не знаю. Хочу.

Ц а м ё е с (пожимает плечами). Хоти. (Ёжится от ветра, закуривает; печально.) Эх, сейчас бы в шахматы поиграть... С *Учителем*...

Фернандо допивает бутылку, оборачивается, ища глазами, где бы достать ещё.

Вот кто играл! Даже не играл, нет, он *позволял сыграть с Ним*, он - *снисходил*...

В кафе появляется раб с шахматной доской и факелом, опускает доску с давно начатой партией на столик Жуао, замирает. Вслед за ним в кафе входит Абу-ль-Хусайн ибн Аййаш в сопровождении Абу-ль-Фадля. Арабы садятся за столик, продолжают партию.

Каждый разыгранный им гамбит или защита были безупречны, как 75-ая сура Корана, как семя ангела...

Следом за первой парой игроков в кафе проникают другие. Рабы разносят вина, расстилают ковры, натягивают шатёр. Фернандо волочится к напиткам. Ему наливают.

Я так любил Его...

Фернандо остаётся с арабами, облокачивается о спинку очерченного стула, на котором Абу-ль-Хусайн ибн Аййаш играет в шахматы с Абу-ль-Фадлем. *Цамёес* замирает, навсегда уходя в разглядывание противоположного берега и статуи Спасителя, благословляющего город.

ЧЕЛОВЕК В РОЗОВОЙ РУБАХЕ

смотрит сквозь тонированное стекло. За стеклом - полумрак, лампы выключены. Человек в розовой рубашке поднимает свободную от кофейной чашки руку. Экран монитора оживает, появляется голова Бенджамина, что-то говорит. Что именно, не слышно, ибо во всю ширину звуковой дорожки распространяется нежный голос Дикторши, а во всю ширину экрана - её гибкое тело. Кадры с головой Бенджамина улетают в правый верхний угол монитора и повисают над левым накладным плечом Дикторши.

Д и к т о р ш а. Вчера, в Вашингтоне, в одном из почтовых ящиков CIA, была обнаружена видео-кассета с любительской записью казни Осамы Бин Ладена или же человека, на него похожего...

Квадратик в углу раздвигается во весь экран. Неизвестная рука перерезает горло Бенджамина и исчезает из кадра.

Подлинность видеоплёнки будет установлена спецслужбами в ближайшее время. Как сообщили на пресс-конференции спикеры CIA и министерства Обороны, произведена также и попытка идентификации казнённого. По непроверенным данным, в Вашингтоне рассматривает видео-запись, как бесспорное доказательство казни террориста, состоявшейся от рук...

Человек в розовой рубашке поднимает руку и демонстрация ролика обрывается.

Ч е л о в е к в р о з о в о й р у б а х е (в никуда). Так хорошо... Благодарю за работу! (Продолжает, замерев с чашкой кофе в руке, стоять спиной ко всему - *ролик он только слушал*.

В полумраке комнаты за стеклом проявляется человеческая фигура.) Кто ты?

О т в е т. Ты и сам знаешь, *друг мой несовершеннолетний*.

Пауза.

Человек в розовой рубаше. О тебе говорят, что ты изучил арабские предания, как никто другой.

О т в е т. Так говорят, но это неправда.

Человек в розовой рубаше. Если ты ответишь на три моих вопроса, я приму ислам.

О т в е т. Не примешь. Говори.

Человек в розовой рубаше. Исходим ли мы из наличного, рассматривая отсутствующее?

О т в е т. Да, это так.

Человек в розовой рубаше. Почему тогда ты утверждаешь, что Аллах всевышний не имеет ни формы, ни свойств и что мы не знаем ничего, подобного ему? На основании чего ты заключаешь, что Он существует? Ты говоришь, что в раю люди едят, пьют, но не оправляются, хотя ты никогда не видел человека, который мог бы есть и пить, не оправляясь... Ещё ты утверждаешь, что в раю радостям людским нет конца, хотя ты никогда не видел ничего бесконечного - из чего ты выводешь всё это?

О т в е т. Я вывожу это из того, что наличествует вокруг. Существование Аллаха всевышнего я вывожу из его творений, которые все на него указуют. Ему нет подобия, но в том, что наличествует, имеется сходное с ним. Это дух, присутствующий в тебе и во всяком живом существе. Мы ощущаем его каждой щепоткой нашего тела, но не знаем, где он, что он, каковы его черты и сущность. Мы видим, что человек умирает, когда его покидает дух, но рассмотреть этого нельзя. Я исхожу только из деяний Аллаха и из того, что Он приводит мир в движение и что благодаря Его существованию в нас мы способны действовать *сознательно*. Что же до того, что люди в раю пьют, едят, но не оправляются, то нам известны вещи, свидетельствующие о том, что это возможно. Разве ты не знаешь, что плод в чреве матери получает питание, однако ничего не выделяет? Что же касается райского блаженства, которое не имеет конца, хоть и имеет начало, то ведь мы сами начинаем считать с единицы, однако можем продолжить счёт до бесконечности, удваивая и повторяя числа. Прощай. (Шаг назад.)

Человек в розовой рубаше. Стой!

Фигура останавливается.

Дай мне знак, ради Аллаха, что ты - это... ты...

Фигура медлит, затем выпрямляет правую руку, вводя её в полосу света.

Что это?

О т в е т. "Рубиновая кисть аль-Муктадида". Он, правда, её никогда не носил. Она досталась мне по материнской линии, мать вела родословную от Аббасидов. (Кисть исчезает в темноте.) Мне пора. Принимай ислам.

Человек в розовой рубаше. Последний вопрос... (Фигура приостанавливает движение.) Что ты подарил на свадьбу Абдулл'е?

О т в е т. Какому Абдулл'е?

Человек в розовой рубаше. 11 сентября 2000, в Исламабаде.

О т в е т. Я, *друг мой несовершеннолетний*, ни у какого Абдулл'ы, ни на какой свадьбе, ни в каком Исламабаде не был.

Человек в розовой рубаше (сам понимая бессмысленность аргумента). Я фотографии видел...

О т в е т. Не знаю, как ты, а я - фотографиям уже давно доверять перестал... Они всегда мою только физическую сущность демонстрируют, а ведь я на самом деле не такой, каким выгляжу... *Хочешь заглянуть?*

Человек в розовой рубаше делает осторожный шаг к стеклу. Вглядываясь в темноту, складывает ладони лодочкой, наклоняется, прижимается к стеклу, застывает. Проходит несколько десятков секунд. Затем, словно его с той стороны фотографируют, раздаётся яркая вспышка света. Чело-

век в розовой рубашке вздрагивает и начинает медленно от стекла отходить, прикрыв, словно от ожога, глаза.

ДОЛОРЕС

звонит ключами, открывает дверь, входит в прихожую.

Д о л о р е с. *Цамёес! Ты где? Цамёес!*

Долорес в гостиной. Оглядывается, замечает на полу несколько пустых бутылок, бокалы, переполненную пепельницу, тетрадь. Принюхивается, идёт на кухню, в спальню, в ванную. Никого. Женщина возвращается, включает телевизор, садится в кресло, закуривает. На экране возникает говорящая голова *Учителя*.

У ч и т е л ь. Мир и человек были созданы, чтобы восполнить число отпавших ангелов. Я знаю это точно, наверняка. И скоро, *уже очень скоро*, числу этому должно прийти в своё назначенное от века количество - *святые* восполняют его по смерти... Это, если хочешь, и есть единственно верная теория эволюции... (Улыбка. Прикосновение к бороде.)

А л - М у ч а с с и н. Сегодня Вы уже упоминали о причинах терроризма и вскользь обозначили его как *метафизический ответ*. Хотелось бы остановиться на этом подробнее...

У ч и т е л ь (после паузы) Однажды, когда я летел в Лондон, легально, это было ещё до начала джихада, я увидел физическим, подчёркиваю, *физическим зрением*, что всё воздушное пространство до последнего кубометра наполнено ангелами и, как я их тогда для себя определил, *свободными душами*... Это были белёсые формы, отчётливо видимые, различные по своим качествам, потому я их и разделяю, и... они были *везде!* (Глоток чая.) Но неприятное заключалось в другом... Самолёт... Он разрезал их, как нож - масло, уничтожал собою, вторгаясь в пространство, где они *постоянно прописаны*, сжигал в своей реактивной заднице атмосферу, которой буквально, друг мой, *буквально* являлись эти бледные беззащитности. Среди них могли быть мои родные, предки, - какой перед ними-то срам... И тогда я поклялся никогда не летать (раз), и - уничтожать самолёты, где бы я их не встретил (два)... Одиннадцатого сентября не две "башни" рухнули - четыре самолёта упали, вот где акцент! И даже те, что по другим, якобы "*объективным причинам*" в прасч вляпались, тоже *мои*... Воля - вот что по-настоящему важно, мысль, желание, *жажда*... *Жажду*, сказал Иисус и предал дух свой...

Пауза.

А л - М у ч а с с и н. А *Лампа*?

У ч и т е л ь (улыбается). Ты тоже о ней слышал? (Отпивает чаю.) Воля - это и есть *Лампа*...

Воля... Любовь... Ненависть... Любое сильное чувство - *Лампа*, точнее, горячая смесь.

Ну и немножко нефти. Для *Лампы*.

А л - М у ч а с с и н. "Немножко нефти"?

У ч и т е л ь. Я знаю, что ты хочешь спросить. Разумеется, нефть, ибо *метафизический ответ* - это я, только я один, мой способ быть, остальной мир увлекается проблемами энерго-снабжения... Впрочем, это всё равно вырежут из твоего интервью. (Встаёт, выходит из кадра.)

з а н а в е с

в пьесе использованы некоторые тексты

Абу 'Али ал-Мучассин'а ат-Танукчи и В. В. Розанова